

ЕЛЕНА МАЛАХОВА

Веданта Рассказы

12+

Елена Малахова

Веданта. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Малахова Е. В.

Веданта. Сборник рассказов / Е. В. Малахова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9703-2

Сборник включает в себя четыре истории: о нелёгкой судьбе трудолюбивой сотрудницы редакции, о взлёте и падении профессора университета, о временах Великой Отечественной войны и авиакатастрофе. Души людей наизнанку и вся правда их жизни в одном сборнике. На обложке картина Леонардо да Винчи "Иоанн Креститель".

ISBN 978-5-5320-9703-2

© Малахова Е. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пустая жатва	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пустая жатва

Была ли Анна Сергеевна Морозова личностью уникальной? Как знать. Эта узкоплечая, нескладная, низенькая женщина в преклонном возрасте не выделялась обаятельными чертами. В ней не присутствовали утонченность, остроумие и женственность. Чувством юмора тоже не обладала. Хитрая? Никогда. Грубая? Тоже нет. А что же тогда в ней было?

Работала она в редакции местной газеты "Правда". Трехэтажное здание составляли два этажа кабинетов с узкими коридорами и фотографиями руководства на стенах; на первом этаже справа находился буфет; а слева – пост охраны с турникетами. В обязанности Анны Сергеевны входило содержание пола в чистоте. Она мыла его до блеска, с усердием честных работников и хмуро глядела на тех, кто шлепал по намытой плитке грязными ботинками. Всегда неопрятная, с редкими, зачесанными назад, серо-седыми волосами она не сильно импонировала окружающим; а кроме того слышала речь собеседника через раз, что крайне затрудняло общение с людьми, которые не желали перетруждать голосовые связки только, чтобы докричаться до неё. Многие работники редакции проходили мимо неё и бросали своё холодное приветствие. Ведь кто такая уборщица, когда они редакторы и журналисты по образованию и собственному убеждению? Они посмеивались над ней и считали не в меру глуповатой. Она же оставалась радушной и не забывала спрашивать о здоровье других.

– А Жанна еще не приходила? Ай заболела? – спросила Анна Сергеевна сидящую рядом на лавке буфетчицу.

Это была женщина лет сорока девяти со взбитой, белой шевелюрой, в белом чепце и фартуке с оборками и жемчужными бусами на шее. Буфетчица имела все данные обладать информацией, неизвестной остальным: колкий язык, прекрасный слух (она различала даже шёпот за последним столиком буфета) и умение втереться в доверие несмотря на вид базарной торговки.

– Понятия не имею, – отвечала буфетчица. – Не пришла и не пришла, нам какое дело?

Анна Сергеевна взглянула на буфетчицу с глубоким изумлением. Зная, что вторая её напарница Жанна, моющая третий этаж, слаба здоровьем и совершенно одинока, Анну Сергеевну заботило, как та справляется в случае болезни. Представив, как Жанна едва встает с кровати, с трудом переставляя ноги, её сердце защемило. У самой Анны Сергеевны были двое взрослых детей, а они – при мужьях и детях. Собственно, жаловаться будто бы не приходилось.

– Ужасно быть совсем одной, – грустно вздохнула Анна Сергеевна, устремляя серые глаза на парадную дверь. – Приходишь, и поговорить не с кем.

Буфетчица распахнула нагловатые карие глаза, спрятанные за густыми умильными бровями; а её уста с большой нижней губой в негодовании потянулись вперед.

– А кто ей виноват? – буфетчица скрестила толстые руки на массивной груди. – Всю жизнь дурака валяла, всё принца ждала; а такую красавицу, знаешь ли, и на коня стыдно посадить.

Она издала развязный смех, сотрясающий грудь.

– Зачем ты так, Мария? – возразила Анна Сергеевна. – Она ведь никому зла не причиняла. Добрая и рассудительная.

– Как же, видали мы эту доброту! Глядит лишь бы чего домой утащить. Уж я-то таких добрых поведала, будь уверена! У неё так глаза и бегают по витринам буфета. Злая пьяница, что с неё взять?

Анна Сергеевна покачала головой, не желая раздувать спор на условиях осуждения; а в конце рабочего дня с тяжелыми вздохами буфетчица Мария с трудом понесла домой три набитые доверху сумки. Припомнив, что та идет на работу с легкой дамской сумочкой, Анна Сер-

геевна ещё раз качнула головой. Картина была слишком повседневной, чтоб её комментировать. Буфетчица была жадной и необязательной работницей, как и большинство сотрудников, заимевших дурную привычку опаздывать, зная, что главный редактор позволяет себе полчаса задержаться в пути. Анна Сергеевна была не такая; она добросовестно поглядывала на часы по утрам и всегда приходила вовремя, за десять минут до начала рабочего дня, чтобы успеть подготовить инвентарь и вынести мусор, пока редакторов нет в кабинете. Они не чувствовали, когда их прерывала бестолковая женщина, помешанная на порядке и соблюдении прямых обязанностей. Вечером Анна Сергеевна уходила последней; ждала пока охранник обойдет кабинеты, потом перемывала первый этаж и с чувством выполненного долга в семь часов вечера покидала здание.

Идя темными обледенелыми улицами зимой, её одолевал страх. Прохожие были редкостью той дороги, а после фильмов о насилии, что так легко вписались в моду женского канала, казалось, преступниками город набит до отказа. Она жила в тихом переулке. Сперва до него нужно идти прямо, под высокими фонарями, мимо круглосуточного магазина, автошколы и аптеки, где всегда бывает уйма народу; а затем свернуть в ничем неосвещенный поворот справа, что делит два ряда кирпичных белых домов между собой. Проезжая часть не отделялась тротуаром, что ставило под угрозу жизнь снующих пешеходов. Анна Сергеевна всегда торопливо обходила эту часть дороги и прыгала в сторону при каждой машине, едущей мимо.

Летом приходилось полегче, когда было светло, и этот свет не оставлял места страхам в душе Анны Сергеевны. Она упивалась ласковым теплом; освежающим ветром с легкой прохладцей; игривыми ласточками в чистом небе. Их шаловливость напоминала ей те годы, унесенные временем, когда она хоть и не сияла красотой, но была свежа; молода и бурлила энергией, как быстрая река Амазонка. Сам факт молодости приносил ей ощущение, что она не так дурна; с русой, длинной косой и более серыми глазами, что при свете имели дополнительный голубой оттенок. На круглые щеки пятнышками ложился румянец – цвет дикой розы. Брови колосились черными линиями; зрачок, ярко очерченный, имел четкий контур. Создавала она в те времена впечатление испуганной птички: хрупкая и низенькая, как зяблик. При виде её робких глаз хотелось взять одеяло и укутать её от любых наскоков судьбы. Память о тех днях приносила ей тоскливую сладость и мысли сожаления. Как она провела шестьдесят один год своей жизни? Многое ли вспоминала до тонкостей? И принесли бы эти тонкости ей счастье от того, что приключились с нею? Таких моментов насчитывалось немного.

Она родилась в бедной семье тружеников; отец работал в колхозе трактористом до тех пор, пока сельское хозяйство не пришло в упадок, и колхоз не развалился. Мать трудилась на ферме в соседнем селении и не дожила до сорока пяти, заработав пневмонию. Братья и сестры – их было шесть – разлетелись по разным уголкам земного шара ещё до свадьбы Анны Сергеевны. Замуж она вышла в девятнадцать лет за майора тогда ещё милиции, ссор не затевала и всеми правдами и неправдами старалась сохранить уют в отношениях. Её муж, Илья Петрович, мужественный, худощавый, высокий, с большими черными глазами и очень густыми, пепельными волосами находился с ней на уровне интеллигентных допросов. Он обладал трезвым, строгим характером, не уступал ни в одном вопросе: ни в бытовом, ни в политическом, всегда добивался единогласия с его рациональной точкой зрения. Лень заставляла его проводить выходные напролет, лежа на диване или сидя в уютном кресле. Он не любил азартных игр и другим в своём присутствии не позволял заниматься глупостью. "Уж лучше диван обменять" – говорил он жене. Также он был бережлив, суетлив и жаден; не сильно распалялся на подарки и ласковые слова. Презирал всё то, что позаимствовано из-за границы, хотя за транспорт, импортируемый в страну, не сильно обижался. С первых дней совместного быта Анна Сергеевна питала к нему большой почёт, видела в нём надежность и, впрочем, считала свой брак удачным. При такой совокупности вялых деловых чувств любви там места не нашлось. Они мало проводили времени вместе: Анна Сергеевна тогда работала в ветеринарной лабо-

ратории младшим лаборантом, а он стремился получить новую звездочку на погонах. Затем появились девочки. Анна Сергеевна усмехнулась: теперь этим девочкам стукнуло по тридцать и тридцать пять лет. В общем-то память её не блистала приятными моментами. На ум постоянно шли пустые отрывки, которыми особо не похвастаешь; они не для семейного застолья, очень короткие, бессмысленные, и не для шутки ради. Неужели жизнь прошла, а в ней не случилось ничего хорошего? Она снова напрягла память и слегка облегчилась: у неё есть две дочери, у них свои семьи, и внуков – двух мальчиков и девочку – она очень любит, и они её любят. Только ещё слишком малы, чтобы правильно выразить свои чувства.

Думая о прошлом, Анна Сергеевна свернула к двадцать девятому дому на Парадной улице. Во дворе, окруженном со всех сторон пятиэтажными массивами, в центре находилась старая детская площадка с песочницей. По периметру её росли высокие березы; их маленькие благородные листики шелестели от южного ветра; на них, в свеженьких скворечниках обитали соловьи. Анна Сергеевна дошла до второго подъезда. Там на желтой крашенной лавке в ряд сидели три пожилые соседки. Анна Сергеевна давно водила с ними дружбу и по случаю останавливалась поговорить, считая это не сколько увлекательным, сколько необходимым условием вежливости. С важными лицами и подозревающими взглядами они развлекали себя газетными сплетнями и атмосферой происходящего вокруг.

– Ты сегодня что-то рано, – заметила Ольга Никифоровна, опираясь на трость двумя руками.

Деловитость была ярко написана на её большом красном лице с маленькими узкими глазами, что, даже когда она улыбалась, нельзя было назвать ту улыбку случаем добродетели.

– Садись, посиди с нами! – прокричала Галина Антоновна, широконогая большеротая дама, с белым лицом, в ярком платке и ситцевом платье в горошек.

– Да некогда сидеть, – ответила Анна Сергеевна, останавливаясь подле них.

– А куда ты спешишь? – уточнила третья соседка, поджимая тонкие, почти прозрачные губы.

Любопытными взглядами они вцепились в Анну Сергеевну. Та излилась улыбкой, слегка смущенной и действительно глуповатой.

– Людочка просила меня с Костиком посидеть.

– А что она сама не может? – возмутилась Ольга Никифоровна, метаясь глазами по двору, что являлось её особенностью (долго в упор она не смотрела, чтобы не пропустить нечто важное вокруг).

– Они с мужем в театр идут, а потом в ресторан, – сказала Анна Сергеевна. – Пускай отдохнут. Если не в их возрасте веселиться, то когда же?

– А то что ты после работы, умаялась чуть душа, об этом они не думают? – возмутилась Галина Антоновна, остро чувствующая несправедливость положения.

– Галя, они же не каждый раз просят, – оправдывалась Анна Сергеевна. – Часок-другой посижу. От меня не убудет.

– Ага, не каждый раз, да каждую неделю, – поправила Галина Антоновна. – Мой покойный муж всегда говорил: "Детей надо в кулаке держать, иначе они тебя кулачить будут".

Все закивали, видимо, ощутив полноту истины сказанного старушкой.

Вскоре Анна Сергеевна поднялась на второй этаж. Квартиру она содержала в рамках прилежания, но не идеального порядка. Ей доставало того, что вещи лежали на местах, которые определила для них с момента получения мужем квартиры во времена СССР. Уставшая мебель давно требовала обновления. Расписные ковры в красно-жёлтых и зелёных тонах с непонятными квадратными узорами оставались примером тогдашней моды – все стены тогда походили на неудачные полы. Серебристая люстра с длинными каплями пожелтела. Их, как и деревянные черные гардины, давно облюбовали пауки с тощими ногами, изгаляясь в плетении искусной паутины. Дешевые белые шторы с цветочным орнаментом и замысловатая тюль тоже утра-

тили первозданный вид. Анна Сергеевна страдала гипертонией, и все движения с запрокинутой головой провоцировали сильнейшее головокружение. Потому окна, верхние полки изношенного шифоньера и кухонного буфета она мыла раз в год – словом приоритетом чистоты их не наделяла.

Успев согреть чайник на плите, она почувствовала себя нехорошо. В затылок била кровь, грудь неприятно сдавило. И тут позвонили в дверь; пришла её дочь. Без особых разглагольствований Людмила всучила Анне Сергеевне четырехлетнего внука.

– Может зайдешь, доченька? Ты уже две недели не была.

Дородная, строгого лица и в квадратных очках женщина, очень похожая на Анну Сергеевну, холодно взглянула на мать своими бледно-голубыми крохотными глазами.

– Мам, мы опаздываем. Костика покорми в семь и на ночь погрей ему молока. И смотри, чтоб никаких конфет!

Анну Сергеевну всегда огорчало ощущение, что дочь держится с ней, как учительница.

– Я справлюсь, не волнуйся. Вас-то с Полей я как-то вырастила.

Людмила закатила глаза и криво сжала губы.

– Только не начинай опять! Мне итак забот хватает!

Костик принялся кричать, толкая бабушку в ноги. Курносенький, белолицый, с пшеничными волосами он выглядел, как пример безгрешной души, к сожалению, только внешними данными. Говорил он плохо, заглатывая буквы, но многие слова приказа звучали внушительно. И в тот миг, колотя по Анне Сергеевне головой и руками, он изъяслял немалое детское возмущение, причем доступным для понимания языком. Его не устраивало стоять в дверях квартиры без дела – ему хотелось чинить беспорядок внутри.

Анна Сергеевна отогнала мрачные мысли. Её бледные глаза робко засияли.

– Ты хоть бы зашла в среду, – тихо улыбнулась Анна Сергеевна. – У меня пенсия будет и получка в пятницу.

– Вот в субботу и зайдем. А почему ты такая красная? Опять давление скачет?

Анна Сергеевна не расслышала слов дочери, хоть и старалась, прищурившись, прочесть их по губам. Однако глаза её, уже не такие зоркие, как раньше, застилала прозрачная плёнка, и она ничего не поняла. Ей пришлось осторожно переспросить. Отвыкшая от долгого общения с матерью, Людмила рассердилась: повторять одно и то же – не самое приятное занятие, особенно для тех, кто наделён вспыльчивостью от природы. Этот приобретенный недостаток матери выводил Людмилу из себя.

– Мам, ты почему слуховой аппарат не носишь? Для чего мы его покупали? Деньги на ветер...

– У меня голова от него болит, – возразила Анна Сергеевна, посмотрев на внука, который по-прежнему упирался головой в ноги женщины, надеясь собственными силами пробиться внутрь.

– Опять ты выдумываешь! – раздраженно рявкнула она. – Врач тебе ясно сказал, аппарат не может вызывать боли.

Сердце матери кольнуло обидой, но вид она сохраняла спокойный и непритязательный. Людмила повесила сумку на плечо и поправила пиджак. В брючном костюме болотного цвета выглядела она чопорно и образцово; да и волосы, всегда собранные назад в короткий хвост, намекали, что женщина работала в условиях, где предъявляли высокие требования к причёске и внешнему виду. Именно так и было, работала она преподавателем младших классов и заходила в гордости, что сама всего добилась с того момента, как Анна Сергеевна все четыре года давала ей деньги на проживание и ещё год после того, как Людмила нашла работу.

– Всё, побежала я, – Людмила наклонилась к мальчику и поцеловала его, пока тот также усиленно справлялся с преградой. – Костя, веди себя хорошо!

Мальчик издал зычный визг, мотая головой. Людмила ушла, цокая каблучками.

– Ну, а теперь пошли играть.

Последнее слово утомило мальчика, и он направился за Анной Сергеевной на кухню. Она достала из шифоньера коробку с мягкими игрушками и отдала мальчику. Капризно скривив губы, он начал рыться в игрушках и, так как достойных его вниманию там не нашлось, одна за одной они летели на линолеум. Задавая мальчику простые вопросы, Анна Сергеевна принялась варить суп. В полдень она собиралась отпроситься и навестить мужа в больнице, которая находилась в пяти минутах от редакции. Вот уже два года как с периодичностью в месяц он ложился на принудительную госпитализацию в психиатрическую клинику. Жизнь его пошла под откос после выхода на пенсию. Не найдя себе применения, он стал пить и превратился в занудного скандалиста, ищущего камень на ровном месте. Он придирался к её вздохам, взглядам, тону сказанного – ко всем действиям, исходящим от неё. Их быт превратился в танец нестинара: он раскалялся, как угли, сыпля на неё ярость и оскорбления; она словно ходила босыми ступнями по огню и как бы осторожно это не делала, молча проглатывая его грубости, ей не удавалось не обжечься. Он всё бушевал. Затишье царило в доме только, когда он спал или гарцевал за водкой, довольный и весёлый, что выудил деньги из кошелька жены. Его деградация привела к белой горячке, и теперь серые безвылазные стены больницы заменили ему родные. Анна Сергеевна тяжело переживала за него. С ним было сложно, а без него душа не на месте. Её утешало, что, относя еду в больницу, она в меньшей степени облегчает его тёмные дни заточения там.

Костику быстро надоело копать в одиночку, и он стал бегать по комнатам, забиваться в угол под стол или в проём между стеной и шкафом в зале. Усмирить его было непросто, при том что Анна Сергеевна давно растеряла юную проворность и была не так тонка, чтобы протиснуться в узкий проём, где мальчик помещался только боком. Он задорно смеялся и называл её криворукой. Ему казалось забавным, что за ним бегают и не могут достать. Эти нервные игры сильно утомили женщину. Щеки и лоб у неё стали пунцовыми, дыхание потяжелело. Она знала, что в таких случаях происходит дальше.

Наконец, она беспомощно ушла на кухню, а Костик остался хохотать в зале, продолжая отписывать в её адрес непристойные словечки. Она доварила суп, и подошло время кормить мальчика. С горем пополам она уговорила его вернуться за стол, и когда он сел, поставила перед ним тарелку. Наотрез отказываясь есть, он швырнул в неё ложкой и долго кричал.

– Я не буду! Не буду! Это не вкусно!

– Ты ведь ещё не попробовал. Давай... Открывай ротик. За маму...

– Не буду сказал! Не буду!

Анна Сергеевна продолжала сердечно уговаривать его, предвидя негодование дочери, когда та узнает, что ей не удалось накормить внука. Она почувствовала себя хуже. Всякий раз, как начинался приступ, у неё шумело в ушах; кровь, горячая и быстрая, стекалась к вискам, и её охватывал страх, что на сей раз всё кончится плачевно. И в том случае она переживала прежде всего не за себя, а за маленького мальчика, который останется в квартире один, с мертвым телом бабушки. Под действием паники она позвонила дочери и попросила её вернуться.

– Ма, я не могу всё бросить! – злобно ответила Людмила. – У нас второй акт, двери закрыты. Что тебе совсем плохо?

– Я боюсь упаду, и Костик один останется.

– Ты постоянно боишься, но слава богу не падаешь. Ты давление мерила?

– Нет. Я итак чувствую, что высокое: в затылок бьет и в голове шумит.

Людмила тяжело спустила воздух в трубку.

– Один раз попросила тебя остаться, и то не можешь, – состоялась короткая пауза, в которой обе ждали исхода разговора.

Людмила надеялась, что мать успокоится и не будет настаивать на своём. Совесть её озадачивалась тем, как поступить. Конечно, Анна Сергеевна частенько носилась со своим давле-

нием дело не по делу, и даже участковый терапевт говорил, что она одна из тех умелых симулянтов, предпочитающих в здоровом теле искать больной дух. И на этот раз ей казалось мать хочет привлечь к себе внимание и жалость. Это понимание разозлило женщину. Она подавила ропот совести, и уже более уверенной интонацией сказала.

– Может у тебя вовсе не давление. Ты сначала померяй и позвони мне. Хорошо?

– Сама не умею, ты же знаешь.

– Я тебе покупала автоматический тонометр, особые навыки там не нужны: суй руку в манжету и нажимай кнопку, дальше он всё сам сделает.

– Он не включается, – пояснила Анна Сергеевна. – Кажется, батарейки сели.

Людмилу захлестнула ярость.

– Боже! Какая же ты беспомощная! Не зря скорая жалуется, что их только пожилые неумехи с давлением вызывают. Вы ничего не можете сами и раньше времени паникуете. В общем, выпей таблетку и жди нас. Мы скоро будем.

Анна Сергеевна не успела возразить – уже разносились гудки в динамике мобильного. Всё то время, что она разговаривала по телефону, мальчик швырял со стола вниз искрошенный хлеб, и теперь весь пол был присыпан мелкими крошками. Женщина присела на стул, ощущая слабость в руках. Она решила позвонить младшей дочери Полине. Та жила в двух километрах и работала на железнодорожном вокзале диспетчером. К сожалению, приехать она тоже не могла.

– Мамуль, я на работе. Уйти мне не позволят. Ты вызови скорую или позвони этой бессовестной Людке! Что она вздумала гулять, когда тебе плохо?

Костик оборвал горло, крича.

– К маме! К маме! Хочу к маме!

Тут кто-то позвонил в дверь. Мальчик на тот момент умолк, разбираемый любопытством. Анна Сергеевна еле встала со стула и открыла.

– Анна, чего у тебя такой шум? – поинтересовалась Ольга Никифоровна, живущая через стенку. Она сразу догадалась, что соседке плохо. – Что, опять давление?

Анна Сергеевна не могла ничего вымолвить, лишь кивнула. Ольга Никифоровна помогла ей добраться до дивана и вызвала скорую. Бригада была на месте вовремя. Приятная белокурая девушка с большими синими глазами сделала ей укол. Голова женщины начала проясняться. Анна Сергеевна лежала молча, сложив руки перед собой на груди. Когда приехала скорая, Костик притих, спрятавшись в изголовье дивана и застенчиво выглядывал, чтоб посмотреть на незнакомого мужчину. Тикали старинные часы, и было слышно, как рука фельдшера скользит по сопроводительному листу – эта кратковременная тишина облегчала состояние больной женщины.

Несколько минут фельдшер не отрывался от бланка, следя глазами за строчками написанного. Его помощница убрала пустую ампулу и жгут в белый чемоданчик; мужчина оторвался от листа и пристально поглядел на больную.

– Что ж вы так... – он посмотрел на обратную сторону листа, где значились Ф.И.О. больной, – Анна Сергеевна! запустили своё здоровье? При таком высоком давлении недолго инсульт схлопотать.

– Да я, доктор, знаю. Не успела таблетку выпить.

Отвернувшись, фельдшер задал ей несколько положенных вопросов для анамнеза, а затем, постукивая ручкой по столешнице, подытожил.

– Как понимаю, таблетки вы пьете в системе, и они не помогают?

– В последнее время не очень, – устало ответила больная. – Да и честно говоря, я часто забываю их выпить.

– Это плохо, – он подумал некоторое время. – Я бы рекомендовал вам лечь в больницу. При комплексном обследовании врачи подберут необходимый препарат и правильную дозу, – он кивнул в сторону мальчика. – У вас есть, кому оставить это сокровище?

Костик снова спрятал голову, поймав взгляд зоркого фельдшера. Анна Сергеевна тревожно присела на диване.

– Вы хотите меня в больницу?

– Я не настаиваю, а только советую. И в вашем случае стоит подумать над моим советом. Мы подождём, пока вы собираетесь, а потом отвезем вас в отделение. Неделю отдохнёте там.

Глаза Анны Сергеевны набрались слез; она ощутила себя одной одинёшенькой на белом свете. Ей и болеть-то по-человечески нельзя. Завтра ей надо к мужу. Как он без неё? Неумытый, заросший, и одежда его наверняка не источает свежесть; пора её сменить. А работа? Кто будет избавлять пол от грязи, если Жанна ещё несколько дней не придёт. Да и внука ей деть некуда.

– Но сейчас я не могу... – обдумав это, сказала Анна Сергеевна.

– А дети у вас есть? – мягко спросила девушка, но достаточно громко, чтоб её слышать.

Фельдшер отложил ручку и осмотрелся. Первой ему бросилась в глаза толстая паутина по всему потолку и углам; потом занавески, давно не стиранные и пропитанные пылью. Он счёл старушку одинокой и нехотя вздохнул – довольно частый случай. Анна Сергеевна засуетилась, проследив, куда смотрит медработник.

– Да, дети есть. Не обращайте внимания на беспорядок. Я бы с радостью всё помыла, но сама не могу. Как голову поднимаю вверх, так в шею и затылок словно током бьет. А Людочке некогда, она работает... И Полина тоже... Я их давно просила паутину обмести, но они заняты; не могу я их отвлекать по пустякам.

Девушка и мужчина переглянулись с явным пониманием дела, и кареглазый фельдшер снова посмотрел на больную прямым ироничным взглядом.

– А сейчас ваша Людочка может приехать?

Анна Сергеевна зашла краске, сознавая, что придётся врать.

– Наверно...

– А вы позвоните ей, – предложила девушка. – Где она? Пускай поможет вам собраться и мальчика заодно возьмёт.

Оба медика ждали решения женщины, испытывая её глазами. Не ожидая такого напора, Анна Сергеевна смущённо указала, где лежит сотовый. Через полминуты она держала аппарат возле уха, но вместо голоса дочери тянулись бесконечные гудки. Мысленно обрисовывая ситуацию, фельдшер ненавязчиво цыкнул. Анна Сергеевна грустно отняла телефон от уха, неуверенно касаясь кнопки сброса.

– Похоже, она не сможет приехать, – грустно сказала она.

Нахмуренный фельдшер глянул на женщину.

– А муж у вас есть?

– Он лежит в больнице.

Мужчина немного подумал, снова оглядывая отчёт о проделанной работе.

– Тогда завтра советую пойти в поликлинику.

– Как же я пойду? У меня работа. Там итак одна я осталась.

Повернувшись к Анне Сергеевне, фельдшер внимательно осмотрел её с ног до головы, пытаясь угадать, где не сумеют обойтись без пожилого, плохо слышащего работника.

– Вы работаете в бухгалтерии? – уточнил он, не придумав ничего более остроумного.

– Нет, я уборщица в газете. Я и Жанна вдвоем убираем редакцию. Она заболела, теперь всё здание на мне, а подмены больше нет.

На жеманных устах мужчины лучилась едкая улыбка.

– Потерпят ваши полы, – сказал он, – а здоровье больше терпеть не может.

– Нет, доктор, там такую грязь разведут, что потом и не отмоешь.

– Дело, конечно, ваше. Не хотите, как хотите.

Она подписала поданную ей бумагу отказа от госпитализации, и они, забрав чемоданчик, ушли. Весь этот долгий разговор незнакомых людей с бабушкой напустил на Костика чувство голода. Тут же осмелев без посторонних людей, он стал просить есть истеричными криками. После криза Анна Сергеевна чувствовала себя выжатой. Ей стоило огромных усилий накормить мальчика и навести порядок на кухне.

Через час пришла Людмила. Тревоги на лице ни следа, только раздраженная досада. После звонка матери ей пришлось отменить столик в ресторане. Её муж, сутуловатый, светло-волосый, в круглых очках и с аккуратным брюшком, не разбегался в красноречии. Он сухо поздоровался с тёщей и также сухо поддакивал, когда Анна Сергеевна просила прощение за их сорванные планы.

– Ей-богу, не хотела я вас отвлекать, – тихо мямлила женщина. – Мне стало плохо неожиданно.

Людмила не распалялась в патетичности.

– Ты утром лекарство пила?

– Забыла. И тут не успела, потому что Ольга, соседка моя, скорую вызвала.

– Ма, я тебе сколько раз говорила пить таблетки вовремя! Их нужно пить по одной каждое утро. А вчера пила?

Ощущая неловкость за строгий тон дочери, Анна Сергеевна уронила взгляд, полный грусти. Ей почему-то захотелось остаться одной. Она не могла поверить, что эту холодную амбициозную женщину, которую с лаской в душе назвала Людмилой, родила она сама.

– И вчера забыла, – помолчав, сказала женщина.

– Забыла она... Вот из-за твоего "забыла" и случаются беды! – Людмила возмущённо поглядела на руку и умерила пыл. – Ладно, время позднее, мы поехали; а то ещё Костика укладывать. И ты ложись и поспи.

Коротким жестом она поцеловала мать в щеку, и кроме брезгливости в тот миг от дочери ничего не исходило. Оставшись наедине со своими мыслями, Анна Сергеевна погасила свет – он сильно давил на глаза, хоть и не был таким уж ярким – включила телевизор и взяла телефон в руки.

– Полина может позвонить, – вслух рассудила она. – А то вдруг не услышу.

Она присела на диван. Маленький телевизор стоял на старой тумбе, слегка загораживая окно по центру. Она понимала через слово, о чём толкуют в передаче, но громкости прибавлять не стала, чтоб не разбудить Ольгу Никифоровну. Та укладывалась не позднее девяти и слышала намного лучше соседки. Да и телевизор больше служил отвлекающим фоном, чтоб не сидеть в крошечной темноте. Конечно, ей становилось легче, но чувство разбитости не оставляло её дряблое тело. Через десять минут она пошла на кухню с телефоном в руке и собрала еду для мужа. И за этим занятием постоянно поглядывала назад, на стол, чтоб не пропустить момент, когда засветится дисплей телефона. Но он также лежал мрачно и безжизненно.

– Наверно, она ещё на работе, – прошептала Анна Сергеевна себе под нос.

Её девочки росли послушными. Она окружала их небывалой заботой и отдавала лучший кусок, покупала вещи и обделяла себя. Она ничего не смыслила в математике и физике, чтоб помогать им в домашних заданиях, не выглядела писанной красавицей на зависть другим. Но в конце концов это не делало её плохой матерью. Она положила для них всё, что имела, и теперь пора бы немножко вернуть себе добро в качестве их благодарности. Именно заботы она ждала от дочерей, и с годами эта формальная потребность стремительно возрастала. Старость делает людей ранимее – нельзя их за это винить.

Спустя полчаса уже пробило десять. Анна Сергеевна вернулась в зал на диван. Одев очки, она снова устремила взгляд на телефон. Он по-прежнему не подавал признаков жизни. Стараясь оправдать его молчание несуществующими причинами, её посетила мысль, что телефон мог разрядиться. Она нажала кнопку, и мобильный загорелся синим дисплеем: нет, он вклю-

чен и батареи хватит ещё на полдня. Прошло еще полчаса бесплодного ожидания, и полусидя обессиленная Анна Сергеевна заснула.

На следующий день прояснилось, и духота воцарилась в городе. Асфальт обдавал сухим жаром; продавцы магазинов выходили на улицу, надеясь найти там прохладу. Они обмахивались листом бумаги или расслабленной ладонью, и это отнюдь не помогало. Анна Сергеевна решила, что не может лечь в больницу сейчас. Ведь там не прохладнее, чем на улице. Она пришла на работу пяти минутами раньше охранника и ждала у закрытых дверей, созерцая уличное движение. Он явился с привычным опозданием. Этот плотнотелый усач с широкими плечами улыбался во весь рот, показывая неопрятные зубы.

– Сергеевна, вы хоть бы раз опоздали приличия ради! – посмеялся Фёдор, распахивая двери.

Увлеченная мыслью, с чего начать работу, Анна Сергеевна смотрелась застигнутой врасплох.

– Так разве прилично – опаздывать? – рассеянно ответила она.

– По крайней мере лучше приходить к открытым дверям, чем стоять под ними. Жарит с самого утра. От солнца пощады не жди, а вы без головного убора.

И правда Анна Сергеевна с недоверием относилась к шляпам, панамам и платкам. Для платка она считала, что ещё недостаточно постарела; всё-таки это значительно прибавляет возраста. А прочие уборы на ней: согбенной, с неаккуратными чертами лица, маленьким носом, неживописным ртом смотрелись смехотворно. Она была одета в коричневые бриджи, серые носки, льняную мужеподобную рубашку, свободно сидящую на ней, и белые мокасины – в таком наряде она испытывала комфорт, и ноги к концу дня так не уставали.

Охранник, уже в черной униформе, прошёл за стол перед турникетом, снял кепку и налил себе кофе. Анна Сергеевна ответила ему.

– И всё же опаздывать – нехорошо.

Скрипучий бас охранника отражали пустые стены, и звучал он грозно.

– Ну раз-другой хуже вас не сделает. Вы думаете, кто-то заметил, кроме меня, что вы приходите вовремя?

– Конечно, это мой долг работать как положено.

– Зря вы себя гробите, Анна Сергеевна! Уж будьте уверены, не будет вас – найдут другую, которую начальство также не будет замечать. Хорошее отношение в жизни не ценится, и жертвы, уплаченные втуне, в том напрасном свете выглядят нелепо.

Женщина пришла в удивление. Слишком легкомысленными показались ей суждения охранника.

– По-вашему, всем нужно работать спустя рукава? И что из этого выйдет? На каждом предприятии есть люди, на которых держится это предприятие. Без них оно пойдёт прахом.

Охранник пил кофе и посмеивался, закинув ноги на стол.

– Уж не считаете ли вы, что на вас держится наша редакция?

– Не считаю, но я добросовестно работаю здесь больше семи лет.

Что-то заставило охранника сбросить ноги на пол, наклониться телом над столом, чтоб пристально взглянуть в серые, раздосадованные глаза уборщицы, стоящей напротив него.

– Анна Сергеевна, поверьте, не важно земля круглая или плоская, стоит на трех слонах или плывет на китах – это не изменит ситуацию в целом. Мир кишит людьми. На смену одним поколениям приходят другие; предыдущие складывают свои головы, последующие растут и поднимают её всё выше, порой стремясь затмить даже солнце. Людей незаменимых нет, и я считаю глупостью отдавать свою жизнь только во благо рабочих моментов, которые остаются в тени заслуг.

Раскрасневшаяся Анна Сергеевна не знала, как возразить. Она понимала, что охранник предвзят. Её мнение, сложенное много лет назад, являло полную интерпретацию сказанного охранником. Ей казалось, рано или поздно труд человека обязательно оценят.

Анна Сергеевна встревоженно приступила к работе. Как раз в тот момент мимо охранника прошла красивая женщина в дорогой одежде. Она обронила бездушное приветствие мужчине, предъявила пропуск и миновала турникет большого зала. Нагнувшись, Анна Сергеевна не заметила её, и, когда та обходила уборщицу, Анна Сергеевна задела её шваброй.

– Смотрите по сторонам, а! – яростно крикнула руководительница.

Высоко подняв голову, она пошла дальше к лестнице, не собираясь выслушивать извинений уборщицы. Анну Сергеевну одолела горечь.

– Ну вот, а я что говорил? – прокричал охранник, довольно улыбаясь. – Для них мы просто животный класс.

Анна Сергеевна оставила последнее слово за ним. Охранник некоторое время увлечённо следил за рвением уборщицы. Вскоре вышла буфетчица, и у них завязывался долгий разговор. Анна Сергеевна поделилась вчерашним эпизодом приступа, и буфетчица, по привычке скрепив руки, придерживала ими бюст.

– И что, перезвонила твоя Полина? – каверзно спросила она.

Анне Сергеевне было нелегко сознаваться в правде. Она понурила свою плохо причесанную голову.

– Нет, может, у нее работы много, или связь не ловит...

Буфетчица имела стойкий непроницаемый характер, соответствующий голос, и вообще могло почудиться, что она прошла войну от и до, и только благодаря ей одной была одержана победа. Она не слишком-то шла на поводу у собственных детей и не терпела слабохарактерных родителей, потакающих капризам своих отпрысков. Она возмущенно фыркнула.

– Ань, голова у неё не ловит. Что ты всё время их оправдываешь? Признай уже, твои дети наглые жадные стервятники! Для них мать, что коврик у ванны: очень удобно ноги вытирать. Часто они приезжали к тебе, когда пенсия заканчивалась?

Анна Сергеевна не хотела допускать оскорбительные заявления. Её снова охватила горечь, и, не показывая слез, она вышла на улицу под чутким взором охранника.

В окружении редакции находился маленький скверик с фонтаном посередине, желтой тротуарной плиткой и крашенными в терракотовый цвет лавками; на них расселись мясистые голуби. С одной стороны ютились обувные и хозяйственные магазины. С другой – угловой цветочный магазин "la Flor". Его прозрачные витрины у стекла благоухали радостью всех оттенков радуги, а на улице в горшках пестрели многолетние цветы и саженцы. Там каждое утро почти в одно и то же время упитанная продавщица в темно-синем фартуке и ярком гриме выходила с чашкой кофе и сигаретой в руках. Она жадно наблюдала за происходящим вокруг, также жадно и долго затягивалась, делала глоток кофе и снова вертела головой. У тротуара стоял ряд пыльных машин. По дорожкам сквера сновали горожане. Небо опоясали фиолетово-темные тучи с золотыми краями по верху. Солнце старалось пробиться сквозь плотную их занавесь, но они неприступно неслись вперёд, толпясь над двухэтажными зданиями. От этой знакомой картины Анна Сергеевна почувствовала жальщую тоску. Годы подбирались к финишу, и ей всё больше хотелось жить дальше, чтобы узреть, чем насытится мир; чем будет увлекаться молодёжь в ближайшее столетие; что нового придумают для социального комфорта учёные умы. Ей становилось обидно, что она отдала всю энергию и любовь своему супругу, детям, работе, но ничего не сделала для себя, будто бы сделать для себя выглядит, как непростительная кража. А теперь об этом думать не пристало. Слишком далеко она взобралась в гору, и начать тот сложный путь заново ей уже не по силам. Привычное настолько опутало её, что теперь по свежей дорожке не будет её походка смелой и бодрой... Нет в ней больше той жизненной радости, стремления, неумной жажды чего-то достигать и выделяться из столпотворения. Наоборот,

ей хотелось затаиться, дать людям возможность забыть о ней, тем самым избегая яростных клинков, которыми они бросают, насмехаясь над её глухотой и старостью.

Она вернулась в здание уже более покойной, но очень грустной. И Федор сразу заметил её несчастный облик. Он вспоминал, как пришёл в редакцию год назад и первое время не мог привыкнуть к этой дотошной к чистоте женщине. Нельзя же постоянно натирать этот проклятый пол! Он не располагал томной сердечностью, но именно Анну Сергеевну беспричинно уважал. Им овладевало заступническое чувство, когда журналисты из отдела спортивной рубрики, здоровались с ним, жали ему руку, проходя мимо, и не обращали никакого внимания на рядом сидящую Анну Сергеевну. Как-то Федор не выдержал и спросил одного: "А с ней почему не здороваешься?" Тот махнул рукой: "Она все равно ничего не слышит. Стоит ли язык трепать?". Не воспринимали её люди всерьёз, не взирая на то, что трудилась она, как проклятая, и не жаловалась на судьбу.

В общем-то самоотдача её работе носила уже болезненный характер, подытожил Фёдор. Он часто звал её обедать или выпить чаю в буфете, она соглашалась только, когда домывала пол. А если прохожий вдруг наследил – тут же бросалась спасать плитку от следов, забывая, что чай остынет.

Когда у неё родились внуки, она принесла пакет шоколадных конфет и раздавала их всем в подряд в редакции. При этом она застенчиво улыбалась, а серые глаза как будто извинялись перед тобой за беспокойство. Работники редакции принимали её скромный дар скрепя сердце – они ею брезговали. А некоторые вовсе отказывались, не замечая доброты её побуждений и благочестивости. Она являла щедрость не только на работе. "Воздайте кесарю кесарево и Божье Богу"¹ – таким образом она поступала в жизни. В церкви она заказывала не только поминальные сорокоусты, но и о здравии коллег, которых знала по именам. Она усердно молилась за них. Церковные службы посещала по возможности. Полноценно слов она не разбирала (а кто вообще их разбирает, не разу не видя в глаза те самые псалмы), но ей приносило облегчение, что она не сторонится божественного. Она часто пыталась завести разговор с кем-то на улице или возле дома, в частности с соседскими детишками. Только старец не товарищ юнцу: между ними хляби временного различия, бездна мировосприятия. Юнцу некомфортно со старцем. Он видит в нём забытую книгу, всю исписанную чернилами опыта; скучно знать всё на свете, думают они. Их горячность и нетерпеливость, что так щедро дарует им молодость, строят преграду для обоюдного понимания. Все поучения старца вызывают протест юной крови. Юнцы всегда надеются на исключение, забывая, что не всякий случай будет тем ожидаемым исключением. Они глядят на старца с гадливостью, обоснованной тем, что сами они молоды, а ведь молодость в любом случае и есть красота: нежная кожа, не тронутая морщинами, свежесть лица и ещё не обвисшие формы, как бы скудны или излишне полноваты они не были. Молодость – тот самый чародей, что без особых усилий украшает живые существа. И старцы чувствуют, что юнцы сторонятся их по этим причинам. Вот и Анна Сергеевна не могла найти общий язык с детьми. При виде её подростки некультурно выражались в её адрес, заведомо зная, что она не слышит. Им казалось остроумным назвать старую женщину словами оскорбительными, которые нет желания повторять. Передразнивали её марширующую походку с сутуловатой спиной. Ни минутой их головы не озарялись мыслью, что смешна не она, ковыляя по дороге, шумно переставляя ноги, а сами они, выставив напоказ своё мерзкое невежество. Они громко смеялись над ней, а она улыбалась, думая, что те – обычные весёлые дети, прекрасное продолжение рода человеческого, а не стыд его и несмыаемый позор.

Высмеивали её даже в больнице, где лежал её супруг. Она носила ему передачи и одежду, переодевала, помогала вымыть. За время его нахождения там, он совершенно потерял облик человека: чёрные глаза, безумно вытаращенные; неухоженная запущенная борода, жел-

¹ Новый Завет (Матф. 22:21).

тая от сигаретного дыма; волосы оставались только на затылке, тоже желтовато-русого цвета; рот никогда полностью не закрывался, а во время буйного приступа вся рубашка была мокрой от собственной слюны. Это зрелище отяжеляло её сердце. Где тот подтянутый скала-мужчина, отдающий приказы младшим по званию? Он не был особенно ласков, но по крайней мере у него был умный, полный здравого смысла взгляд, хоть и довольно мрачный. Его самодостаточный вид уничтожила болезнь. Анна Сергеевна старалась его накормить; разговаривать им было нелегко. Он постоянно твердил лишь одно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.